

Крепостницы.

-Лиза, Лизаветта!

- Ммм... Чего тебе, барин? - раздался сонный шепот слева. Теперь понятно, почему плечо почти не чувствуется и так тепло и мягко.

- Лиз, а это кто там внизу?

- Глашка, наверное, - она прижалась посильнее и поцеловала в шею.

- Глаш, это ты? Глаша!

- Тут я, - пробормотал голос справа. Теперь понятно чего так мягко с этой стороны. Облепили как медведи улей с медом.

- Лиз. Там внизу не Глаша.

- Ну, Фроська тогда, - отмахнулась крепостная, - Спи, барин.

- Лиз, а чего она сама себя мной насилует? Мне страшно, Лиза.

- Ну чего вам, пусть девка потешится.

- Ладно, - обидно немного, пользуют без спросу, будто они боярыни. И все же странно, что они ко мне так привязались, в постель лезут при каждом удобном случае, при неудобном тоже. Одна Фрося от них отличалась, молчаливая девчушка, забитая и запуганная. Прежний хозяин частенько ее порол за редкую неуклюжесть и частые случаи разрушения барского добра. Все трое достались мне в уплату за работу учителем, и надо сказать за неимением рекомендаций и документов только редкий жмот мог взять подобного работника. Общая стоимость девиц едва составляла три рубля, что по меркам крестьян было много, но для образованного горожанина столько составляли месячные затраты на проживание в съемной квартирке.

Несмотря на это, было вполне сносно, девушки сразу поступили в мое распоряжение, убрали в моей комнате, чистили одежду, стирали, а больше бездельничали: много ли работы найдется у одинокого человека? Кормили, кстати, хорошо. Барские отпрыски поначалу доставляли неудобства, но потом поутихли и слушали все, что им рассказывал.

- Итак, Иоанн. У тебя есть мешок яблок, один пуд оных стоит две с половиной копейки. В мешке пять пудов. Сколько денег можно выручить от продажи яблок?

- Пять по две с половиной.... Двенадцать копеек и полушка.

- Молодец.

Вот так и проходили занятия, примеры брались прямо из жизни, чтобы сразу приучить детишек думать и понимать, как лучше устроиться и применить знания на практике. Иногда Лизка или Глаша помогали с разными мелочами, а заодно сами слушали об устройстве мира и прочих вещах, кои им никто поведать не мог. Возможно поэтому, они стали более свободными в общении, опять-таки кроме Фроськи, та по-прежнему молчала, будто набрав в рот воды. Когда она в первый раз облила меня чаем, чуть не заплакала, пришлось успокаивать, бить и наказывать не стал. Вообще с ней пришлось туго, но сама по себе она добрая, только пугана до жути. Дознаваться до сути дела не стал, оно пусть у нее на сердце останется, лучше

приласкать и глядишь - забудется плохое. Наниматель редко в работу вмешивался, а один раз пришел послушать урок и чей-то на ус намотал. С тех пор дела у него на лад пошли, а я в свободное время с девчонками по лесу бродил, травки целебные собирал и ягоды всякие. Часть барским детишкам, часть себе, часть продать на рынке, свободные денежки всегда нужны, а ежели тебе девками платят, не шибко-то обогатишься. Они все боялись, что сразу продам, Лизаветта к родным краям крепко прикипела, лисой стелилась, а Фросе и Глаше без разницы - сироты они. Поголодали малость, померзли, потом барыня в дом взяла и жизнь вроде наладилась. А тут новый хозяин, непонятный с новыми замашками, к тому же голодранец: такому лишний рот - обуза. Кормились девки за мой счет, так что пришлось и деревенским помогать, иначе моим крепостницам голодать пришлось бы. Кое-как скопил на тюк цветастого полотна и велел девчонкам нашить сарафанов для продажи, тогда легче стало. Понемножку, по чуть-чуть. Зимой баранки-бублики, пирожки и снедь разную продавать заставил, зато все вместе, как семья. Лизка тайком своим родственникам лишнюю копеечку норовила подкинуть, ну так не ругал, просто сказал, что не хорошо так, получается будто ворует у Глашки с Фросей, у них родни нет, даже помогать некому, а я, мол, не пропаду, меня работа вполне прокормит. Стыдно ей стало, расстроилась совсем. И что наказывать не стал, так сильнее задело. Не знаю как она прощения у девчат вымаливала, только те ее скоро простили, а со мной Лиза совсем потерялась и не знаючи, как искупить провинность, ночью под бок заползла. На ту пору холодно было, дровишек заготовить за лето по причине учительства и торгашества удалось немного, да и те больше на обогрев комнаты моих крепостниц пошли, негоже девок студить, а сам обойдусь. Оно, конечно, с ней теплей стало, правда, прознал об этом лишь на утро, когда Фроська будить пришла. До того я думал она совсем безголосая, а оказывается визгу от нее как от порося. Глашка тож прибежала, и давай охать и стыдить Лизу, а та вдруг заявила что барину, то бишь мне, отплатить за добро хотела. Он дескать мерзнет, нас жалеючи, а мы в тепле спим. С той поры Лиза каждой ночью прибиралась ко мне, не слушая никаких отговорок, а за ней и Глаша подтянулась, говоря, что окаянства не потерпит и следить будет, чтоб оно не творилось. Спустя пару ночей, девицы на это самое окаянство и сподобились, разгорячившись малиновой настойкой и жарким спором, кто из них краше и милее. Противиться причин не имелось, да и девки славные и не замужние, хотя после этого Лиза совсем осмелела и даже совсем по-матерински норовила титьку под нос сунуть, да в охапку сгрести, зато Фроська видать почувствовала себя одинокой. Здоровая же девчушка, непонятная только, вроде похвалишь ее, а улыбки нет, погладишь или подарком одаришь и нет реакции. Глаша, напротив, расплывется от счастья и целоваться лезет, а Лизаветта усмехнется по-доброму, прижмет к груди и приговаривает: «Ох, барин, сладкий ты какой! Прямо съела бы!». А что там для счастья надо? Так пустячок, главное чтобы от души.

Утром рук почти не чувствовал, девчонки посочувствовали горю, но решили воспользоваться случаем и поиграть с беззащитным хозяином, точнее с его телом.

- Лиз, может потом? А то я даже потрогать не могу, - мольбы не достигли цели, раззадорив бесстыдниц еще больше, - Глаш, ну хоть ты помоги.

Спасение пришло со стороны Фроси. Стыдясь вчерашнего поступка, она прятала глаза, но вполне четко проговорила:

- Оставьте его.

- Чего? - возмутилась Лиза, - А кто его ночью охальничал? Не ты? Теперь наш черед!

- Так вы ж просто... а я его люблю.

- А мы будто не знаем, - расхохоталась Глаша, - Сколь времени на него украдкой косилась, рожу

пряником делала. Да только не одной тебе он нужен, так вот.

- Точно, - подтвердила Лизаветта, и, заметив мое желание высказаться, по обыкновению заткнула рот своей титькой, - А ты, барин, в девичьи беседы не встревай. Мы тут сами разберемся.

Возражать после такого аргумента сложновато, тем более что Лизка чудо как ласкова, только на людях стыдится мягкость души показать, вроде как мне одному позволено знать, что у нее на сердце лежит. После мировой она о семье своей рассказала, что отец приболел и маманя одна шестерых детей на своем горбу тянет, а доктор, мол, за бесплатно лечить не хочет. Пришлось по знахарям побегать, да только жар нутрянной все пуще, шибко прихватило. В общем, плакала очень, а на утро я к ее родным сходил и папеньку ее в два счета водкой в чувства привел, и доктору за лечение денег дал. Оно водкой надежно жар сбивать, ежели снаружи втирать, а не как некоторые - внутрь. Так болезнь не вылечить, хуже выйдет. С того дня папаша ейный на поправку пошел, а Лизаветта по нашему общему решению получила возможность и дальше помогать своим родным. Теперь доход делился на четверых и каждый волен был делать со своей частью что хочет, хотя моя доля все равно шла на хозяйственные нужды и пропитание.

Споры крепостниц быстро утихли, они уже давно друг друга знали и привыкли делить вместе и радости и невзгоды. А в этот раз поделили меня. Опять-таки хорошо, навроде султана себя чувствуешь, только девки по-настоящему любят, без притворства. Фроська разгорячившись молчаливость отбросила и всякую милую бесстыдность в уши шептала, Глаша с Лизой от нее не отставали только уже в другом плане, затискали всего, как детишки котейку. Хорошо день свободный выдался: наниматель с семьей к соседнему помещику в гости укатил, а то навряд ли бы опосля таких ласк с постели подняться.

<http://tl.rulate.ru/book/7862/145957>